

Пьер Бурдьє

Социология политики

Москва - 1993

Построение теории социального пространства предполагает серию разрывов с марксистской теорией. Первый разрыв — с тенденцией акцентировать *субстанцию*, то есть реальные группы, в попытке определить их по численности, членам, границам и т. п. в ущерб *отношениям*, а также — с интеллектуалистской иллюзией, которая приводит к тому, что теоретический, сконструированный ученым класс рассматривается как реальный класс, как реально действующая группа людей. Далее, разрыв с экономизмом, который приводит к редукции социального поля, как многомерного пространства, к одному лишь экономическому полю, к экономическим отношениям производства, тем самым устанавливая координаты социальной позиции. Наконец, следует порвать с объективизмом, идущим в паре с интеллектуализмом, ибо в конечном счете он приводит к игнорированию символической борьбы, местом которой являются различные поля, а целью — сами представления о социальном мире и, в частности, об иерархии внутри каждого поля и между различными полями.

Социальное пространство

Прежде всего социология представляет собой *социальную топологию*. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств

в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их *относительным позициям* в этом пространстве. Каждый из них размещен в позиции и в определенные классы близких друг другу позиций (т. е. в определенной области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если мысленно это возможно. В той мере, в какой свойства, выбранные для построения пространства, являются активными его свойствами, можно описать это пространство как поле сил, точнее как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным *взаимодействиям*¹.

Действующие свойства, взятые за принцип построения социального пространства, являются различными видами власти или капиталов, которые имеют хождение в различных полях. Капитал, который может существовать в объективированном состоянии — в форме материального свойства или, как это бывает в случае культурного капитала, в его *инкорпорированном** состоянии, что может быть гарантировано юридически — представляет собой власть над полем (в данный момент времени). Точнее, власть над продуктом, в котором аккумулирован прошлый труд (в частности, власть над совокупностью средств производства), а заодно над механизмами, стремящимися утвердить производство

определенной категории благ, и через это — власть над доходами и прибылью. Отдельные виды капитала, как козыри в игре, являются властью, которая определяет шансы на выигрыш в данном поле (действительно, каждому полю или субполю соответствует особый вид капитала, имеющий хождение в данном поле как власть или как ставка в игре). Например, объем культурного капитала (то же самое с соответствующими изменениями относится к экономическому капиталу) определяет совокупные шансы на получение выигрыша во всех играх, где задействован культурный капитал и где он участвует в определении позиции в социальном пространстве (в той мере, в какой эта позиция зависит от успеха в культурном поле).

Таким образом, позиция данного агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, т. е. в распределении власти активированной в каждом отдельном поле. Это, главным образом, экономический капитал в его разных видах, культурный капитал и социальный капитал, а также символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т. п. Именно в этой форме все другие виды капиталов воспринимаются и признаются как легитимные. Можно построить упрощенную модель социального поля в его ансамбле, вообразив для каждого агента его позицию во всех возможных пространствах игры (понимая при этом, что если каждое поле и имеет собственную логику и собственную иерархию, то иерархия, установленная между различными видами капитала, и статистическая связь между имеющимися капиталовложениями устроены так, что экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям).

* Инкорпорированный — обретший носителя, тело; интегрированный в субстрат (о свойстве) — *Прим. перев.*

Социальное поле можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными: таким образом, агенты в них распределяются в первом измерении — по общему объему капитала, которым они располагают, а во втором — по сочетаниям своих капиталов, т. е. по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности².

Форма, которую совокупность распределения различных видов капитала (инкорпорированного или материализованного) принимает в каждый момент времени, в каждом поле, будучи средством присвоения объективированного продукта аккумулированного социального труда, определяет состояние отношений силы между агентами. Агенты в этом случае определяются объективно по их позиции в этих отношениях, институционализованной в устойчивых, признанных социально или гарантированных юридически социальных статусах. Эта форма определяет наличную или потенциальную власть в различных полях и доступность специфических прибылей, которые она дает³.

Знание позиции, занимаемой агентами в данном пространстве, содержит в себе информацию о внутренних присущих им свойствах (условие) или об относительных их свойствах (позиция). Это особенно хорошо видно в случае лиц, занимающих промежуточные или средние позиции, которые, помимо средних или медианных значений своих свойств, обязаны некоторыми своими наиболее типичными характеристиками тому, что располагаются между двумя полюсами поля, в ней-

тральной точке пространства и балансируют между двумя крайними позициями.

Классы на бумаге

На базе знания пространства позиций можно выделить *классы* в логическом смысле этого слова, т. е. класс как совокупность агентов, занимающих сходную позицию, которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и интересами, и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций. Этот класс на бумаге имеет *теоретическое* существование, такое же, как и у любой теории: будучи продуктом объяснительной классификации, совершенно сходной с той, что существует в зоологии или ботанике, он позволяет *объяснить* и предвидеть практики и свойства классифицируемых, и, между прочим, поведение, ведущее к объединению в группу. Однако реально это не класс, это не настоящий класс в смысле группы, причем группы "мобилизованной", готовой к борьбе; со всей строгостью можно сказать, что это лишь *возможный класс*, поскольку он есть совокупность агентов, которые объективно будут оказывать меньше сопротивления в случае необходимости их "мобилизации", чем какая-либо другая совокупность агентов.

Так, в противовес *номиналистскому релятивизму*, уничтожающему социальные различия, сводя их к чисто теоретическим артефактам, следует утверждать существование объективного пространства, детерминирующего соответствия и несоответствия, меры бли-

зости и дистанции. В противовес *реализму интеллигентного* (или овеществления понятий) следует утверждать, что классы, которые можно вычлени́ть в социальном пространстве (например, в связи с потребностями в статистическом анализе, являющемся единственным средством обнаружить структуру социального пространства), не существуют как реальные группы, несмотря на то, что они объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации и даже профсоюзные или политические "движения".

Что существует, так это *пространство отношений*, которое столь же реально, как географическое пространство, перемещения внутри которого оплачиваются работой, усилиями и в особенности временем (идти снизу вверх — значит подниматься, карабкаться и нести на себе следы и отметины этих усилий). Дистанции здесь измеряются также временем (например, временем подъема или преобразования — конверсии). И вероятность мобилизации в организованные движения, с их аппаратом, официальными представителями и т. п. (что собственно и заставляет говорить о "классе") будет обратнопропорциональна удаленности в этом пространстве.

Хотя вероятность объединить агентов в совокупность, реально или номинально (посредством делегирования), тем больше, чем ближе они в социальном пространстве, чем более они принадлежат к классу, сконструированному более узко, и следовательно, более гомогенно, более тесно их сближение уже никогда не бывает необходимо, неизбежно (из-за эффектов непосредственной конкуренции, которые ставят заслон), но и сближение наиболее удаленных тоже не всегда бывает невозможным. Так, если более вероятно мобили-

зовать в одной реальной группе только рабочих, чем рабочих и их работодателей, то тем не менее возможно, например, под угрозой международного кризиса, спровоцировать их объединение на базе национальной идентификации (это так отчасти потому, что каждое социальное пространство национальностей в результате собственной истории имеет собственную структуру, допустим, в виде специфических расхождений в иерархии экономического поля).

Как бытие у Аристотеля, социальный мир может быть назван и построен различным образом: он может быть практически ощущаем, назван и построен по различным принципам видения и деления (например, этнического деления); при этом следует учитывать, что объединения, которые базируются на структуре пространства, основанного на распределении капитала, имеют больше возможностей стать стабильными и прочными, а другие формы группировки будут всегда в опасности распада и оппозиции, что связано с дистанцией в социальном пространстве. Когда мы говорим о социальном пространстве, то имеем в виду прежде всего то, что нельзя объединять любого с любым, невзирая на глубинные различия, в особенности, на экономические и культурные различия. Однако, все это никогда полностью не исключает того, что можно организовать агентов по другим признакам деления: этническим, национальным и т. п., которые, заметим в скобках, всегда связаны с более глубинными принципами, т. к. этнические объединения сами находятся в иерархизированном, по меньшей мере в общих чертах, социальном пространстве (например, в США их положение зависит от стажа иммиграции для всех, за исключением черных)⁴.

Итак, вот первый разрыв с марксистской традицией: марксизм либо без долгих разговоров отождествляет класс сконструированный и класс реальный, т. е. вещи в логике и логику вещей, а ведь именно в этом Маркс сам упрекал Гегеля; либо же противопоставляет "класс-в-себе", определяемый на основе ансамбля объективных условий, и "класс-для-себя", основанный на субъективных факторах, причем переход одного в другое марксизм постоянно "знаменует" как настоящее онтологическое восхождение в логике либо тотального детерминизма, либо — напротив — полного волюнтаризма. В первом случае, переход оказывается логической, механической или органической необходимостью (трансформация пролетариата из "класса-в-себе" в "класс-для-себя" представлена как исход, неизбежный во времени, по мере "созревания объективных условий"); в другом случае, он представлен как эффект "осознания", полученный в результате "познания" теории, осуществляемого под просвещенным руководством партии. Во всяком случае, здесь ничего не говорится о таинственной алхимии, согласно которой "борющаяся группа", коллектив личностей, исторических деятелей, имеющих собственные цели, внезапно появляется в определенных экономических условиях.

Посредством такого рода пропусков в рассуждениях избавляются от наиболее важных вопросов. Так, с одной стороны, исчезает сам вопрос о политическом, об истинных действиях агентов, которые во имя теоретического определения "класса" предписывают его членам цели, официально наиболее соответствующие их "объективным" интересам, т. е. интересам теоретическим, а также вопрос о работе, посредством которой им удастся произвести, если и не мобилизованный класс, то веру в его существование, лежащую в основе

авторитета его официальных выразителей. С другой стороны, исчезает вопрос об отношениях между классификацией, произведенной ученым и претендующей на объективность (по аналогии с зоологом), и классификацией, которую сами агенты производят беспрерывно в их будничном существовании, с помощью чего они стремятся изменить свою позицию в объективной классификации или даже изменить сами принципы, согласно которым эта классификация осуществляется.

Восприятие социального мира и политическая борьба

Наиболее решительная объективистская теория должна интегрировать представления, имеющиеся у агентов о социальном мире, точнее, их вклад в построение видения социального мира и через это в самое построение социального мира, посредством *работы представления* (во всех смыслах этого термина), которую они ведут непрерывно, дабы навязать свое видение мира или видение своей собственной позиции в этом мире, своей социальной идентичности. Восприятие социального мира есть продукт двойного социального структурирования. С "объективной" стороны, оно структурировано социально, поскольку свойства, сопряженные с агентами или с институтами предстают восприятию не каким-то независимым образом, но, напротив, в очень неравновероятных комбинациях (и так же, как у животного, имеющего перья, больше шансов обладать крыльями, чем у животного, имеющего мех, так и у владельцев большого культурного капитала больше шансов стать посетителями музеев, чем у тех,

кто этого капитала лишен). А с "субъективной" стороны, восприятие социального мира структурировано в силу того, что схемы восприятия и оценивания приспосабливаются к рассматриваемому моменту, и все то, что представлено, в частности, в языке, есть продукт предшествующей символической борьбы и выражает в более или менее видоизмененной форме состояние расстановки символических сил. Тем не менее, объекты могут быть восприняты и выражены различным образом, ибо как объекты природного мира они всегда предполагают частичную неопределенность и расплывчатость, поскольку, например, наиболее устойчивые сочетания свойств никогда не базируются лишь на статистических связях между субституирующими чертами, а как объекты истории, они подвержены изменениям во времени, и их значение, в меру его "подвешенности" в будущем, само нерешено, в ожидании, отсрочено и через это относительно недетерминировано. Эта сторона дела — неопределенность — есть то, что подводит базу под плюрализм видения мира. Она сама связана со множественностью точек зрения и со всеми символическими битвами за производство и навязывание легитимного видения социального мира. Говоря точнее, она связана со всеми когнитивными стратегиями восполнения, которые продуцируют смысл объектов социального мира, выходя за рамки непосредственно видимых атрибутов и отсылая к будущему или к прошлому. Эти отсылки могут быть скрытыми и молчаливо подразумеваемыми, через "протензию" и "ретенцию", как это называет Гуссерль, т. е. практическими формами перспективного и ретроспективного видения, включающими как таковые позиции прошлого и будущего; но такие отсылки могут быть и явными, как в случае политической борьбы, где к прошлому (ретроспектив-

но реконструируемому сообразно потребностям настоящего), и, в особенности, к будущему, (творчески предвидимому), беспрестанно вызывают, чтобы детерминировать, разграничивать, определять всегда открытый смысл настоящего.

Напомнить, что восприятие социального мира содержит конструктивный акт, отнюдь не значит принять интеллектуалистскую теорию познания. Главное в опыте социального мира и в работе по его конструированию то, что он предполагает обращение к практике ниже уровня эксплицитного представления и вербализованных выражений. Чувство позиции, занимаемой в социальном пространстве (то, что Гоффман называет *"sense of one's place"**), будучи ближе к классовому бессознательному, чем к "сознанию класса" в марксистском смысле, есть практическая материя социальной структуры в ее ансамбле, который раскрывается через ощущение позиции, занятой в этой структуре. Категории перцепции социального мира являются в основном продуктом инкорпорации объективных структур социального пространства. Вследствие этого они склоняют агентов брать социальный мир, скорее, таким, каков он есть, к принятию его как само собой разумеющегося, нежели восставать против него и противопоставлять ему различные — даже антагонистические — возможности. Чувство позиции, как чувство того, что можно и чего нельзя "себе позволить", включает в себе негласное принятие своей позиции, чувство границ ("это не для нас") или, что сводится к тому же, чувство дистанции, которую обозначают и держат, уважают или заставляют других уважать — причем, конечно, тем

* — ощущением своего положения (англ.).

сильнее, чем более суровы условия существования и чем более неукоснителен принцип реальности. (Поэтому глубокий реализм, которым чаще всего характеризуется видение социального мира у занимающих подчиненное положение, функционируя как некоего рода социально установленный инстинкт самосохранения, может казаться консервативным лишь относительно внешнего, а значит, нормативного представления об "объективном интересе" тех, кому этот реализм помогает жить или выживать.)⁵

Если отношения объективных сил стремятся воспроизвести себя в том видении социального мира, которое постоянно включено в эти отношения, то, значит, принципы, структурирующие это видение мира, коренятся в объективных структурах социального мира, а отношения силы также представлены в сознании в форме категорий восприятия этих отношений. Но частичная недетерминированность и размытость, предполагаемая объектами социального мира, вкупе с практическим, дорефлексивным и имплицитным характером схем восприятия и оценивания, накладываемых на эти объекты, есть та архимедова точка опоры, которая объективно оказывается в распоряжении для действий чисто политического характера. Познание социального мира, точнее, категории, которые делают социальный мир возможным, суть главная задача политической борьбы, борьбы столь же теоретической, сколь и практической, за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира.

Способность осуществить в явном виде, опубликовать, сделать публичным, так сказать, объективированным, видимым, должным, т. е. официальным, то, что должно было иметь доступ к объективному или

коллективному существованию, но оставалось в состоянии индивидуального или серийного опыта, затруднения, раздражения, ожидания, беспокойства, представляет собой чудовищную социальную власть — власть образовывать группы, формируя *здоровый смысл*, явно выраженный консенсус для любой группы. Действительно, эта работа по выработке категорий — выявлению и классификации — ведется непрерывно, в каждый момент обыденного существования, из-за той борьбы, которая противопоставляет агентов, имеющих различные ощущения социального мира и позиции в этом мире, различную социальную идентичность, при помощи всевозможного рода формул: хороших или плохих заявлений, благословений или проклятий, злословий или похвал, поздравлений, славословий, комплиментов или оскорблений, упреков, критики, обвинений, клеветы и т. п. Неслучайно *katégoresthai*, от которого происходят категории и категоремы, означает "обвинить публично".

Понятно, что одна из простейших форм политической власти заключалась во многих архаических обществах в почти магической власти: называть и вызывать к существованию при помощи номинации. Так, в Кабилии функции разьяснения и работа по производству символического, особенно в ситуации кризиса, когда ощущение мира ускользает, приносили поэтам видные политические посты военачальников или послов⁶. Но вместе с ростом дифференциации социального мира и со становлением относительно автономных полей работа по производству и внушению смыслов осуществляется в поле производства культуры и посредством борьбы внутри него (и в особенности — в недрах политического субполя); она является собственным делом и специфическим интересом професси-

ональных производителей объективированных представлений о социальном мире или, еще лучше, методов этой объективации.

Стиль легитимной перцепции является основной целью борьбы, поскольку, с одной стороны, переход от скрытого к явному, от имплицитного к эксплицитному не совершается автоматически: один и тот же социальный опыт может быть признан в его очень разных выражениях; а с другой стороны — наиболее значительные объективные различия могут быть замаскированы более непосредственно видимыми различиями (как, например, этнические различия). Если верно, что перцептивные конфигурации — социальные гештальты — действительно существуют, а близость условий и, следовательно, диспозиций, стремится отлиться в прочные связи и перегруппировки, в непосредственно воспринимаемые социальные единицы, такие, как социально различные районы или кварталы (с пространственной сегрегацией), или в такие, как общность агентов, обладающих полностью сходными видимыми особенностями — *Stände**, — то, тем не менее, социальные познанные и признанные различия существуют лишь для субъекта, способного не только ощущать различия, но и признавать их как значимые, задевающие его интересы, т. е. для такого субъекта, который наделен способностью и склонностью *делать* различия, считающиеся значимыми в рассматриваемом социальном универсуме.

Таким образом, именно посредством свойств и их распределения социальный мир приходит, в самой своей объективности, к статусу *символической системы*,

* *Stand*, мн. *Stände* — Сословие или звание (нем.)

которая организуется по типу системы феноменов в соответствии с логикой различий, различных расхождений, а также заключающейся и в значимых *различиях*. Социальное пространство и различия, которые проявляются в нем "спонтанно", стремятся функционировать символически как *пространство стилей жизни* или как ансамбль *Stände*, групп, характеризующихся различным стилем жизни.

Различия необязательно включают в себя стремление к различению, как часто считают вслед за Вебленом с его теорией *conspicuous consumption**. Всякое потребление (а в более общем виде, всякая практика), осуществлялось оно или нет в целях быть увиденным, является явным, бросающимся в глаза (*conspicuous*); было оно или не было инспирировано намерением быть замеченным, обособиться (*to make oneself conspicuous***), дистанцироваться или действовать, соблюдая дистанцию, оно является различительным. На этом основании потребление обречено функционировать как *различительный знак* и, если обратиться к признанной, легитимной и подтвержденной дифференциации, — как *знак отличия* (в разных смыслах этого слова). Как бы то ни было, социальные агенты, способные воспринимать как значимые "спонтанные" различия, которые категории перцепции заставляют их считать уместными, — эти социальные агенты способны также преднамеренно удваивать эти спонтанные различия в стиле жизни при помощи того, что Вебер называет "стилизацией жизни" (*Stilisierung des Lebens*). Стремление к различению, которое можно заметить по

* демонстративное потребление (англ.).
** сделаться заметным (англ.).

манере говорить или по отказу от мезальянса, производят разделения, направленные на то, чтобы их воспринимали, или, более того, чтобы их узнавали и признавали как легитимные различия, т. е. чаще всего как природные различия — "*distinctions de nature*" (во французском языке говорят обычно о естественных различиях — "*distinctions naturelles*").

Различение — в обычном смысле этого термина — это различие, вписанное в структуру самого социального пространства, поскольку оно воспринимается в соответствии с категориями, согласованными с этой структурой; и веберовский *Stand*, который любят противопоставлять классу в марксизме, — это класс, сконструированный посредством адекватного деления социального пространства, когда класс воспринимают соответственно с категориями, производными от структуры этого пространства. Символический капитал — другое имя различения. Оно является ни чем иным, как капиталом в том его виде, в каком его воспринимают агенты, наделенные категориями перцепции, происходящими от инкорпорации структуры его распределения, т. е. когда этот капитал узнается и признается как нечто само собой разумеющееся. Различения как символические трансформации фактических различий и, более широко — ранги, порядки, градации или же любые другие символические иерархии — являются продуктом применения схем построения. Эти схемы (как, например, пара прилагательных, используемых для выражения подавляющего большинства социальных суждений) являются продуктом инкорпорации структур, к которым они прикладываются, а признание их абсолютной легитимности есть не что иное, как восприятие обычного миропорядка в качестве идущего самого по себе, что подводит итог кажущемуся безукоризненным

совпадению объективных и инкорпорированных структур.

Из этого следует, кроме всего прочего, что символический капитал идет к символическому капиталу, и что реальная автономия поля символического производства не препятствует тому, что оно остается подчиненным в своем функционировании принуждению, которое господствует в социальном мире, и что соотношение объективных сил стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил, в видении социального мира. Таким образом утверждается неизменность этих соотношений сил. В борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, в которую неизбежно вовлечена и наука, агенты располагают властью, пропорциональной их символическому капиталу, т. е. тому признанию, которое они получают от группы. Авторитет, подводящий базу под силу действия недостаточно обоснованного дискурса о социальном мире, есть символическая сила видения и предвидения, направленная на внушение принципов видения и разделения этого мира, это — *percipi**, бытие узнанное и признанное (*nobilis***), что позволяет навязать *percipere****. Наиболее очевидными среди применяемых категорий перцепции являются те, которые наилучшим образом приспособлены, чтобы изменять видение, меняя категории перцепции. Но также, за редким исключением, наименее склонные это делать.

* быть воспринимаемым (лат.).

** известный, прославленный (лат.).

*** восприятие (лат.).

Символический порядок и власть номинации

В символической борьбе за производство здравого смысла или, точнее, за монополию *легитимной номинации* как официального — эксплицитного и публичного — благословения легитимного видения социального мира, агенты используют символический капитал, приобретенный ими в предшествующей борьбе, и, собственно, любую власть, которой они располагают в установленной таксономии, представленной в сознании или в объективной действительности как названия (*les titres*). Так, все символические стратегии, посредством которых агенты намереваются установить свое видение деления социального мира и свои позиции в этом мире, можно расположить между двумя крайними точками: оскорбление, *idios logos**, когда простое частное лицо стремится внушить свою точку зрения, рискуя получить аналогичный ответ, и *официальная номинация* — акт символического внушения, который имеет для этого всю силу коллективного, силу консенсуса, здравого смысла, поскольку он совершен через доверенное лицо государства, обладателя монополии на *легитимное символическое насилие*. С одной стороны — универсум частных перспектив, единичных агентов, которые, исходя из своей личной точки зрения, производят частные и корыстные номинации — самих себя и других (прозвища, клички, оскорбления или же, по крайней мере, обвинения, упреки и т. п.), и которые тем более заинтересованы в том, чтобы сделать эти номинации признанными, т. е. произвести эффект чисто символиче-

* частное мнение (греч.).

ский, чем менее их авторы уполномочены персонально (*auctoritas**) и институционально (*делегирование*), и чем более они непосредственно заинтересованы в том, чтобы сделать признанной ту точку зрения, которую они стараются внушить⁷. С другой стороны — разрешенная точка зрения агента, уполномоченного на персональном уровне, например, великого критика, престижного автора предисловий к книгам или признанного автора ("Я обвиняю"), и, в особенности, легитимная точка зрения официального проповедника, уполномоченного государства, "ортогонального в любой перспективе", говоря словами Лейбница. Официальная номинация или звание, например, ранг диплома, имеет ценность на любом рынке, поскольку официальное определение официальной идентичности вырывает своих обладателей из символической борьбы всех со всеми, наделяя своих агентов разрешенной, признанной всеми, универсальной перспективой. Государство, которое производит официальную классификацию, есть своего рода Верховный суд, к которому адресуется Кафка, когда заставляет Блока говорить об адвокате и его претензии ставить себя в ряд "крупных адвокатов": "Конечно, каждый может называть себя "крупным", если ему это заблагорассудится, но в данном случае судебная терминология установлена твердо"⁸. Правда в том, что научный анализ не выбирает между перспективизмом и тем, что следует называть, скорее, абсолютизмом: в действительности правда социального мира — это суть борьбы между очень неравно вооруженными агентами за то, чтобы добраться до совершенного, т. е. до самоконтролируемого, видения и предвидения.

* авторитет (лат.).

Можно в этой перспективе проанализировать функционирование одного из институтов: Национального института статистических исследований и экономики (*INSEE*). Это государственный институт, который, производя официальные таксономии, получающие, особенно в отношениях между нанимателями и наемными работниками, практически юридическую ценность, значение правового акта, способного сообщить независимые права фактически осуществляемой производственной деятельности, пытается фиксировать иерархию и с помощью этого стремится санкционировать и закрепить соотношение сил между агентами через названия их профессий и занятий, составляющих главное в социальной идентификации⁹. Управление названиями, будучи одним из инструментов управления материальными приоритетами и групповыми именами, в частности, названиями профессиональных групп, регистрирует состояние борьбы и торгов по поводу официального обозначения, а также материальных и символических преимуществ, связанных с ним. Название профессии, которым наделены агенты, данное им звание, являются положительным или отрицательным подкреплением (на том же основании, что и зарплата), поскольку отличительный знак (эмблема или клеймо), получая ценность своей позиции только в иерархически организованной системе званий, участвует тем самым в определении относительных позиций между агентами и группами. В итоге агенты прибегают к практической или символической стратегии с целью максимизировать символическую прибыль от номинации: например, они могут отказываться от гарантированных для определенного поста денежных пособий, чтобы занять позицию, менее оплачиваемую, но с более престижным названием, или обратиться к позиции, название кото-

рой более расплывчато, чтобы избежать тем самым эффекта символической девальвации; так, определяя свою профессиональную идентичность, они могут называться именем, которое охватывает более широкий класс, чтобы включить в него также агентов, занимающих более высокие позиции, допустим, учитель представляется преподавателем. В более общем виде агенты всегда имеют выбор между несколькими названиями и могут играть на неизвестности и неопределенности, связанных со множественностью перспектив, чтобы постараться избежать приговора официальной таксономии.

Логика официальной номинации видна как никогда хорошо на примере звания — дворянского; ученого, профессионального, т. е. символического капитала, гарантированного юридически. Дворянин (*le noble*) — это не просто тот, кто известен, знаменит, и даже известен с хорошей, престижной стороны, короче — *nobilis*, но тот, кто признан официальными, "универсальными" инстанциями, т. е. тот, кто узнаваем и признаваем всеми. Профессиональное или ученое звание — это определенного рода юридическое правило социальной перцепции, воспринимаемое бытие, гарантированное как право. Это институционализированный и законный (а не просто легитимный) символический капитал, все более и более неотделимый от ученого звания, поскольку система образования стремится все более и более представить дальнейшие и верные гарантии для всех профессиональных званий. Символический капитал обладает также самоценностью и, хотя речь идет об общем имени, функционирует по типу великих имен (имен больших семей или имен собственных), используя всю возможную символическую прибыль (и блага, которые не продаются за деньги)¹⁰.

Именно символическая дефицитность звания в пространстве имен профессий, а не соотношение между спросом и предложением на некоторые виды труда, стремится господствовать над профессиональным вознаграждением. Из этого следует, что вознаграждение за звание имеет тенденцию автономизироваться по отношению к вознаграждению за труд. Так, за один и тот же труд можно получить разное вознаграждение в зависимости от того, кто его выполнил (штатный сотрудник/временно исполняющий обязанности, штатный сотрудник/функционар и т. п.). Звание само по себе (как и язык) — институция более прочная, чем внутренние характеристики труда. Вознаграждение за звание может сохраняться, несмотря на изменения в труде и его относительной ценности: не относительная ценность труда определяет ценность имени, но институционализированная ценность звания служит инструментом, позволяющим защитить и сохранить ценность труда¹¹.

Иными словами, нельзя заниматься наукой классификации, не занимаясь наукой борьбы классификаций и не учитывая в этой борьбе за власть знания, за власть посредством знания, за монополию легитимного символического насилия позицию каждого агента или группы агентов, которые в эту борьбу вовлечены, идет ли речь об отдельном индивиде, обреченном на риск в ежедневной символической борьбе, или о профессионалах — лицах уполномоченных (и на постоянной работе). Среди последних находятся те, кто говорит или пишет о социальных классах и различает их в зависимости от собственной классификации, связанной в большей или меньшей степени с государством, и те, кто является обладателями монополии на официаль-

ную номинацию, на "правильную" классификацию, на "правильный" порядок.

Структура социального пространства определяется в каждый момент структурой распределения капитала и прибыли, специфических для каждого отдельного поля, но тем не менее, в каждом из этих пространств игры определение цели и козырей может само быть поставлено на карту. Каждое поле является местом более или менее декларируемой борьбы за определение легитимных принципов деления поля. Вопрос о легитимности возникает из самой возможности спрашивать, ставить под вопрос, из разрыва с доксой*, которая воспринимает обычный порядок как сам по себе разумеющийся. Исходя из этого, символические силы участников борьбы никогда не бывают полностью независимы от их позиции в игре, даже если чисто символическая власть включает силы, сравнительно автономные по отношению к другим формам социальных сил. Давление необходимости, вписанной в саму структуру различных полей, вынуждает также к символической борьбе, направленной на сохранение или трансформацию этой структуры. Социальный мир в значительной мере есть то, что делают в каждый момент его агенты; но разрушить и переделать сделанное можно лишь на основе реального знания о том, что из себя представляет социальный мир и какое влияние агенты оказывают на него в зависимости от занимаемой ими позиции.

* Докса — совокупность выражений обыденного мнения, укоренившихся преданий и представлений, — того, что принимается на веру, без обсуждения и обдумывания, как само собой разумеющееся. Докса связана со здравым смыслом. — Прим. перев.

Короче говоря, научная работа имеет целью установление адекватного знания и о пространстве объективных связей между различными позициями, определяющими поле, и о необходимых связях, установленных через опосредование габитуса тех, кто занимает позиции в данном поле; так сказать, о связях между этими позициями и соответствующим видением позиции, т. е. между точками, занятыми в данном пространстве, и точками зрения на это же пространство, участвующими в действительности и в становлении этого пространства. Другими словами, выход за объективные границы построенных классов, т. е. за границы областей установленного пространства позиций, позволяет понять принцип и действие стратегий распределения по классам, посредством которых агенты сохраняют или изменяют это пространство; на первом месте среди них — построение групп, организованных с целью защитить интересы их членов.

Анализ борьбы за классификации проливает свет на политическое притязание, неотступно следующее за гносеологическим притязанием производить хорошую классификацию: притязание, которое, собственно, и определяет *rex'a**, что, согласно Бенвенисту, составляет органическую часть *regere fines* и *regere sacra*** , вербального проведения границ между группами, но также между священным и светским, между добрым и злым, низким и возвышенным. Рискую превратить социальную науку в способ продолжать политику другими средствами, ученый должен сделать объектом своих ис-

* царя, правителя (лат.).

** буквально: правление границами, установление границ, разграничений и правление священным, установление священного; иными словами: светское и священное установление (лат.).

следований намерение определять других по классам и тем самым объявлять им, кем они являются и кем могут быть (со всей двойственностью такого предвидения); он должен анализировать, (чтобы добровольно отказываться от них) притязания на творческое видение мира, тот сорт *intuitus originarius**, который порождает вещи сообразно своему видению (здесь вся двойственность марксистского класса, в котором неотделимы бытие и долженствование). Ученый должен объективировать свое намерение объективировать, давать извне объективно оценку агентам, которые борются за то, чтобы классифицировать и самоклассифицироваться. Если ему приходится классифицировать, производя — в силу необходимости делать статистический анализ — разбиение сплошного пространства социальных позиций, то только для того, чтобы быть в состоянии объективировать все формы объективации, от частного оскорбления до официального наименования, не забывая о требованиях судить эту борьбу именем "аксиологического нейтралитета", характеризующего науку в позитивистском и бюрократическом ее определении. Символическая власть агентов как власть показывать — *theorein* — и убеждать, производить и вводить классификацию, легитимную или легальную, зависит на деле, как нам напоминает пример *rex'a*, от позиции занимаемой в пространстве (и от классификаций, которые туда потенциально вписаны). Но объективировать объективацию значит, прежде всего, объективировать поле производства объективных представлений о социальном мире, и в частности, законодательную таксономию, короче, объективировать поле производства культуры или

* изначальной интуиции (лат.).

идеологии, — игры, которой ученый сам захвачен, как и все, кто обсуждает социальные классы.

Политическое поле и эффект гомологии

Итак, следует ориентироваться именно на это поле символической борьбы, где профессионалы представления (во всех смыслах этого слова) противостоят друг другу по поводу какого-то иного поля символической борьбы, если мы намерены, ничем не жертвуя мифологии осознания, понять переход от практического ощущения занимаемой позиции, *которое само по себе может служить различным объяснениям*, к чисто политическим демонстрациям. Агенты, стоящие в подчиненной позиции в социальном пространстве, занимают ее также и в поле производства символической продукции, поэтому неясно, откуда они могли бы получить инструменты символического производства, необходимые для выражения их личной точки зрения на социальное, если бы собственная логика поля культурного производства и специфические интересы, которые в нем присутствуют, не имели бы своим следствием склонить фракцию профессионалов, вовлеченных в это поле, предоставить подчиненным агентам, на основе общности их позиции, инструменты разрыва с представлениями, рождающимися из непосредственной сложности социальных и ментальных структур, которые стремятся утвердить постоянное воспроизводство распределения символического капитала. Феномен, который марксистская традиция определяет как “внешнее сознание”, т. е. тот вклад, который некие интеллектуалы вносят в производство и распространение — в особенности среди

агентов, имеющих подчиненную позицию, — видения социального мира, отличного от господствующего, может пониматься социологически лишь тогда, когда учитывают гомологию между подчиненной позицией производителей культурных благ в поле властных отношений (или в разделении труда по доминированию) и позицией в социальном пространстве агентов, наиболее полно владеющих средствами экономического и культурного производства. Однако построение модели социального мира, которую утверждает такой анализ, подразумевает резкий разрыв с одномерным и прямолинейным представлением о социальном мире, выражающемся в дуалистском видении, согласно которому универсум оппозиций, составляющих социальную структуру, будет редуцироваться к оппозиции между собственниками средств производства и продавцами рабочей силы.

Недостаточность марксистской теории классов, и в особенности ее неспособность учитывать ансамбль объективно регистрируемых различий, является результатом сведения социального мира к одному лишь экономическому полю, которым марксистская теория приговорила себя к определению социальной позиции по отношению к одной лишь позиции в экономических отношениях производства, и игнорирования позиций, занимаемых в различных полях и субполях, в частности, в отношениях культурного производства, так же, как и во всех оппозициях, структурирующих социальное поле и несводимых к оппозиции между собственниками и несобственниками средств экономического производства. Таким образом, эта теория привязана к одномерному социальному миру, организованному просто вокруг противоречия между двумя блоками (одним из ведущих становится вопрос о границах между

этими двумя блоками, со всеми вытекающими из этого побочными бесконечно обсуждающимися вопросами, о рабочей аристократии, об "обуржуазивании" рабочего класса и т. п.). В реальности, социальное пространство есть многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей, т. е. подчиненных в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании и в своем изменении полю экономического производства: внутри каждого подпространства те, кто занимает доминирующую позицию и те, кто занимает подчиненную позицию, беспрестанно вовлечены в различного рода борьбу (но без необходимости организовывать столько же антагонистических групп).

Однако тот факт, что на базе гомологии позиций внутри различных полей (и того, что в них есть инвариантного, стало быть — общего, в отношении между господствующими и подчиненными) могут устанавливаться более или менее устойчивые союзы, основывающиеся всегда на более или менее сознательном недоразумении, наиболее важен, чтобы разорвать круг символического воспроизводства. Гомология позиции между интеллектуалами и рабочими, занятыми в производстве, когда первые занимают в поле власти позиции, гомологичные тем, которые занимают рабочие по отношению к позициям хозяев индустрии или коммерции в ансамбле социального пространства, лежит в основе двусмысленного союза, в котором производители культуры (подчиненные среди доминирующих) предлагают — ценой растраты накопленного ими культурного капитала — агентам, занимающим подчиненные позиции, возможность объективно представлять их видение мира и их представление о собственных интересах в объяснительной теории и в институционализирован-

ных инструментах представлений — профсоюзных организациях, партиях, социальных технологиях мобилизации и манифестации и т. п.¹²

Нужно, однако, остерегаться трактовать гомологию позиции — сходство в различии — как идентичность условий (так было, например, в идеологии *"mpex P"* — *"patron, père, professeur"* хозяин, отец, профессор, развитой в движении гошистов в период 1968 года). Без сомнения, одна и та же структура, понимаемая как инвариант различных форм распределения, встречается в различных полях, что объясняет плодотворность мышления по аналогии в социологии; как бы то ни было, по меньшей мере, принцип дифференциации каждый раз разный, как суть и природа прибыли, т. е. экономика практики. В действительности, важно установить верную ранжировку принципов иерархии, т. е. разных видов капитала. Знание иерархии принципов деления позволяет определить ограничения, в которых действуют субординированные принципы, и заодно — ограничения подобий, связанных с гомологией; отношения других полей к полю экономического производства являются одновременно отношениями структурной гомологии и отношениями каузальной зависимости; форма каузальных детерминаций, определенная структурными связями и силой доминирования тем больше, чем отношения, в которых они выражаются, ближе к отношениям экономического производства.

Следует анализировать специфические интересы, которые уполномоченные лица должны иметь, занимая данную позицию в политическом поле и в субполе партии или профсоюза, и показывать все "теоретические" эффекты, которые они определяют. Большое число ученых дискуссий вокруг "социальных классов" (например, о проблемах "рабочей аристократии" или о

“кадровых специалистов”) лишь бесконечно пересматривают практические вопросы, что предписывается политическим властям: всегда лицом к требованиям практики (часто противоречивым), порождающим логику борьбы внутри политического поля, как необходимости доказывать его значительность, или рождающим усилия мобилизовать наибольшее число голосов или мандатов, утверждая несводимость своей программы к программам других претендентов. Эти дискуссии приговорены ставить проблемы социального мира в типично субстанционалистской логике границ между группами и возможным объемом мобилизуемых групп, они могут стараться разрешить проблемы, которые считают относящимися ко всем социальным группам — познать и добиться признания их силы, т. е. их существования, прибегнув к концептам с изменяемой геометрией, как, например, “рабочий класс”, “народ”, или “трудящиеся”. Но мы увидели бы, прежде всего, что эффект специфических интересов, связанных с занятой в поле позицией, и с конкуренцией за навязывание своего видения социального мира, склоняет теоретиков и их профессиональных официальных выразителей, тех, кого на быденном языке называют *“освобожденными работниками”*, к производству дифференцированного, специализированного продукта, который, исходя из гомологии между полем профессиональных производителей и полем потребителей мнения, является как бы автоматически подогнанным к различным формам спроса, а этот последний определяется — в данном случае как никогда более — спросом на различия, противопоставления, которые к тому же способствуют производству, позволяя ему находить соответствующее выражение. Выработка позиции, так сказать предложение политического продукта, определяется именно

структурой политического поля, иначе говоря, объективной связью агентов, находящихся в разных позициях, и связью между видением конкурирующих позиций, которые они предлагают — что имеет столь же непосредственное отношение к мандатам. Исходя из того, что интересы, непосредственно вовлеченные в борьбу за монополию легитимного выражения правды о социальном мире, стремятся быть специфическим эквивалентом интересов тех, кто занимает гомологичные позиции в социальном поле, политические выступления подпадают под некую структурную двойственность: с внешней стороны они непосредственно относятся к мандатам, а в действительности направлены к конкурентам в поле.

Определение политической позиции в данный момент времени (например, результаты выборов) является также продуктом встречи политического предложения объективированного политического мнения (программы, партийные платформы, заявления и т. д.), связанного со всей предшествующей историей поля производства, и политического спроса, связанного, в свою очередь, с историей отношений между спросом и предложением. Корреляция, фиксируемая в конкретный момент между выработкой позиции по той или иной политической проблеме и позициями в социальном пространстве, может быть полностью понята лишь тогда, когда мы замечаем, что классификация, введенная избирателями для определения их собственного выбора (например, правый/левый) является продуктом всей предшествующей борьбы, и что выбор, тем не менее, сам исходит из классификации, введенной аналитиком, чтобы ранжировать не только мнения, но и агентов, которые их выражают. Вся история социального поля постоянно представлена в двух формах: в

материализованной — в институциях (освобожденные работники партий и профсоюзов), и в инкорпорированной — в диспозициях агентов, усилиями которых функционируют данные институции, и за которые эти агенты борются (что сопровождается эффектом гистеризиса, связанного с преданностью). Все признанные формы коллективной идентификации — “рабочий класс”, “управленческие кадры”, “ремесленники”, “специалисты”, “профессура” и т. п. — являются продуктами медленной и длительной коллективной проработки, однако, не являются полностью искусственными (это было бы ошибкой и никогда бы не удалось сделать). Каждый из корпусов представлений, которые вызывают к жизни представляемые корпуса: корпорации, сословия, гильдии и др., наделенные известной и признанной социальной идентификацией, сам существует через посредство всего ансамбля институций, являющихся столь же историческими изобретениями, как и аббревиатура, *sigillum authenticum**, по выражению юристов канонического права, печать или штамп, бюро или секретариат, обладающий монополией на подписи и на *plena potentia agendi et loquendi*** и т. д. Как результат борьбы, которая разворачивалась в недрах политического поля и вне его, в частности по вопросу о государственной власти, это представление должно иметь свои специфические характеристики в частной истории политического поля и в истории конкретного государства (чем, между прочим, и объясняются различия между представлениями о социальном делении и, следовательно, о представляющих их группах в разных странах). Чтобы не позволить себе принять за следст-

* подлинная печать (лат.).

** совершенное полномочие действовать и говорить (лат.).

вие работы по натурализации то, что любая группа стремится производить в целях собственной легитимации, и оправдать полностью свое существование, нужно всякий раз реконструировать работу истории, продуктом которой являются социальное деление и социальное восприятие этого деления. Адекватно определенная социальная позиция агента дает наилучшее предвидение его практики и представлений, но во избежание сопоставления с тем, что раньше называли общественное положение, с социальной идентификацией агента (в настоящее время все более отождествляемой с профессиональной идентификацией) и местом общественного положения в старой метафизике, т. е. функцией сущности, из которой вытекают все аспекты исторического существования — в соответствии с формулой *operatio sequitur esse**, — нужно ясно понимать, что этот статус, как и габитус, который им порождается, являются историческими продуктами, что они склонны в большей или меньшей степени меняться с течением истории.

Класс как представление и воля

Чтобы изучить, как создается и учреждается власть создавать и учреждать, власть, имеющая официального представителя, например, руководителя партии или профсоюза, недостаточно учитывать специфические интересы теоретиков или представителей и структурное сходство, которое их объединяет по полномочиям, необходимо также анализировать логику

* сначала бытие, затем — действие (лат.).

процесса учреждения, обыкновенно воспринимаемую и описываемую как процесс делегирования, в котором уполномоченное лицо получает от группы власть образовывать группу. Здесь можно следовать, преобразовывая их анализ, историкам права (Канторовиц; Пос и др.), когда они описывают мистику министерства — любезную юристам канонического права игру слов *mysterium** и *ministerium***. Тайна процесса пресуществления, которая совершается через превращение официального представителя в группу, чье мнение он выражает, не может быть разгадана иначе, чем в историческом анализе генезиса и функционирования *представления*, при помощи которого представитель образует группу, которая произвела его самого. Официальный представитель, обладающий полной властью говорить и действовать во имя группы, и, вначале, властью над группой с помощью магии слова приказа, замещает группу, существующую только через эту доверенность; персонализируя одно условное лицо, социальный вымысел, официальный представитель выхватывает тех, кого он намерен представлять как изолированных индивидов, позволяя им действовать и говорить через его посредство, как один человек. Взамен он получает право рассматривать себя как группу, говорить и действовать, как целая группа в одном человеке: "*Status est magistratus****", "Государство — это я", "Профсоюз думает, что..." и т. п.

Тайна министерства есть как раз такой случай социальной магии, когда вещь или персона становятся

* таинство (лат.).

** служение (лат.).

*** гражданское состояние есть государственная должность (лат.).

вещью отличной от того, чем они являются: Человек (министр, епископ, делегат, депутат, генеральный секретарь и т. д.) имеет возможность идентифицировать себя в собственных глазах и в глазах других с совокупностью людей, с Народом, с Трудящимися, и т. п. или с социальной целостностью, Нацией, Государством, Церковью, Партией. Мистерия министерства находится в своем апогее, когда группа не может существовать иначе, как через делегирование ее официальному представителю, который порождает эту группу, говоря для нее, то есть для ее блага и от ее лица. Круг замыкается: группа определена через того, кто говорит от ее имени, возникшего, как начало власти, осуществляемой им над теми, кто является в ней истинным началом. Это замкнутое отношение есть источник харизматических иллюзий, которые проявляются предельным образом в том, что официальный представитель может показаться и явить себя как *causa sui*. Политическое отчуждение находит свое начало в том факте, что изолированные агенты — тем сильнее, чем более они обеднены символически — могут конституироваться как группа, т. е. как сила, способная заставить понять себя в политическом поле, только лишаясь прибыли в интересах аппарата, а также в том, что приходится постоянно рисковать лишением политической собственности, чтобы избежать истинной политической экспроприации. Фетишизм, согласно Марксу, есть то, что случается, когда "продукты человеческой головы появляются как дар самой жизни"; политический фетишизм заключается более точно в факте, что ценность целостного персонажа, этого продукта человеческой головы, проявляется как неуловимая харизма, загадочное объективное свойство индивида, неуловимый шарм, невыразимое таинство. Министр или пастор, посланник церкви

или посланник государства, состоит в метонимическом отношении с группой; являясь лишь частью группы, посланник действует как знак, замещающий целую группу. Это он, как совершенно реальный заместитель полностью символического существования содействует "ошибке категории", как сказал бы Риль, достаточно похожей на детскую ошибку, когда, увидев проходящих в строю солдат, составляющих полк, спрашивают, где же полк: в его единственно явном существовании он преобразует безупречное серийное разнообразие изолированных индивидов в одно юридическое лицо, *collectio personarum plurium in corporatio**, в конституированный корпус, и может даже в результате мобилизации и манифестации проявить себя как социальный агент.

Политика является исключительно благодатным местом для эффективной символической деятельности, понимаемой как действия, осуществляемые с помощью знаков, способных производить социальное, и, в частности, группы. Благодаря наиболее старому метафизическому действию, связанному с существованием символизма, того, который позволяет считать существующим все, что может быть обозначено (Бог или небытие), политическое представление постоянно производит и воспроизводит форму, производную от любимого логиками аргумента короля Франции Людовика Лысого: любое предикативное выражение, имеющее субъектом "рабочий класс" скрывает экзистенциальное выражение ("рабочий класс существует"). В более общем виде все выражения, имеющие субъектом коллективность, например, Народ, Класс, Университет, Школа, Госу-

* собрание многих лиц [в] корпорацию (лат.).

дарство, предполагают решенным вопрос о существовании указанных групп и содержат в себе тот сорт "ложного метафизического стиля", который мы могли обнаружить в онтологическом аргументе. Официальный выразитель — это тот, кто, говоря о группе, о месте группы, скрыто ставит вопрос о существовании группы, учреждает эту группу при помощи магической операции, свойственной любому акту номинации. Поэтому, если хотят ставить вопрос, с которого должна начинаться вся социология: вопрос о существовании и о способе существования коллективности, следует приступить к критике политических аргументов, которым присущи языковые злоупотребления, а на деле — злоупотребления властью.

Класс существует в той и лишь в той мере, в которой уполномоченное лицо, наделенное *plena potentia agendi* может быть и ощущать себя облеченным властью говорить от своего имени — в соответствии с уравнением: "Партия есть рабочий класс", а "Рабочий класс есть партия", или в случае юристов-канонистов, "Церковь есть Папа (или епископы)", а "Папа (или епископы) есть Церковь". Такое лицо может осуществить эту формулу как реальную силу в недрах политического поля. Способ существования того, что сейчас во многих обществах называют рабочим классом (естественно, с некоторыми вариациями) полностью парадоксален: речь идет о некотором образом *мысленном существовании*, о существовании его в мыслях большой части тех, кого таксономия обозначает "рабочие", но также и в мысли тех, кто занимает в социальном пространстве позиции более удаленные от рабочих. Само это существование почти повсеместно признано покоем на существовании *рабочего класса в представлении*. Политический и профсоюзный аппарат и их ос-

вобожденные работники жизненно заинтересованы в вере в существование рабочего класса и в том, чтобы убедить в этом как тех, кто к нему непосредственно принадлежит, так и тех, кто ничего общего с ним не имеет, и способен заставить говорить "рабочий класс" в один голос, одним заклинанием, как заклинали духов, одним призыванием его, как призывают богов или святых и даже символически выставляя его напоказ через демонстрации — своего рода театральную постановку представления о классе в представлениях. В этой "постановке", с одной стороны, участвует корпус постоянных представителей со всей постановочной символикой его существования, с аббревиатурами, эмблемами, знаками отличия, а с другой стороны — часть наиболее убежденно верующих, которые — через само их существование — позволяют представителям дать представление об их представительности. Этот рабочий класс как "воля и представление" (как в названии известного труда Шопенгауэра) не имеет ничего общего с классом в действии, с реально мобилизованной группой, которую упоминает марксистская традиция. Однако, класс от этого не является менее реальным, но эта реальность магическая, которая (вслед за Дюркгеймом и Моссом) определяет институты в качестве социальных фантазий. Как настоящая мистическая корпорация, созданная ценой огромного исторического труда, теоретических и практических изобретений, начатых самим Марксом и беспрерывно воссоздаваемых ценой бесчисленных, постоянно возобновляющихся усилий и самопожертвований, которые необходимы для производства и воспроизводства веры и институций, ответственных за ее воспроизводство, рабочий класс существует в лице и посредством корпуса официальных его представителей, которые дают ему слово и

наглядное присутствие. Он существует в вере в собственное существование, которую корпусу уполномоченных удается внушить посредством одного лишь своего существования и собственных представлений, на основе сходства, объективно объединяющего членов одного "класса на бумаге" как возможную группу¹³. Исторический успех марксистской теории — первой из социальных теорий претендовавшей на научность, когда бы она реализовалась полностью в социальном мире, споспешествовал, таким образом, тому, что теория социального мира, наименее способная интегрировать собственный теоретический результат, который она развивала более, чем любая другая, сегодня без сомнения представляет наиболее мощное препятствие на пути прогресса адекватной теории социального мира, прогресса, которому марксистская теория в свое время способствовала более, чем любая другая.

Примечания

¹ Можно подумать, будто мы уже порвали с субстанциализмом и ввели реляционистский способ мышления, когда изучают взаимодействия и реальные обмены (на самом деле, практическая солидарность, как и практическое соперничество, связанные с прямыми контактами и взаимодействием между агентами, т. е. практическим соседством, могут быть *препятствием* в выстраивании солидарности, основанной на соседстве в теоретическом пространстве).

² Статистический опрос не может уловить соотношения сил, иначе как в форме собственности как свойства (*propriétés* — фр.), иногда юридически гарантированного через документ, подтверждающий право владения (*titres de propriété économique* — фр.) — для экономической собственности; диплом и ученое звание (*titres scolaires* — фр.) — для культурной собственности; дворянский титул (*titres de noblesse* — фр.) — для социального капитала. Именно это объясняет связь между эмпирическими исследованиями классов и теорией социальной

структуры как стратификации, описанной в понятиях отдаленности от средств присвоения ("дистанция от центра культурных ценностей", по Хальбваксу); этот язык использовал и Маркс, когда говорил о "массе, лишенной собственности".

3 В некоторых социальных универсумах принципы деления по объему и структуре капитала, которые детерминируют структуру социального пространства, удваиваются по относительно независимому принципу деления экономических и культурных особенностей, как, например, этническая или религиозная принадлежность. Распределение агентов проявляется в этом случае как результат пересечения двух частично независимых пространств. Так, этническая группа, помещенная в нижней позиции пространства этнических групп, может занимать позиции во всех полях (даже наиболее высоких), но с низкой долей представительства тех, кто находится в верхней позиции этнического пространства. Каждая этническая группа может быть охарактеризована социальными позициями ее членов, процентом дисперсии этих позиций и наконец, степенью ее социальной интеграции вопреки дисперсии (этническая солидарность может утверждаться в форме коллективной мобильности).

4 То же самое было бы желательно для отношений между географическим и социальным пространством: эти два пространства никогда полностью не совпадают, однако многие различия, которые связывают обычно с эффектом географического пространства, например, противопоставление центра и периферии, являются в действительности дистанцией в социальном пространстве, т. е. проистекают из неравенства в распределении различных видов капитала в географическом пространстве.

5 Чувство реальности не включает в себя ни в коей мере сознания класса в психологическом смысле. Это чувство еще менее ирреально, чем можно приписать данному термину, оно есть эксплицитное представление о занимаемой в социальной структуре позиции, и о коллективных интересах, которые с ней коррелируют. Еще менее ирреальна теория социальных классов, понимаемая не только как система классификации, основанная на эксплицитных принципах и логически контролируемая, но и как точное знание механизмов, ответственных за распределение по классам. Действительно, достаточно рассмотреть экономические и социальные условия, позволяющие ту форму дистанцирования настоящего от практики, которую предполагают понимание и более или менее четко сформулированное

представление о коллективном будущем, чтобы покончить с метафизикой осознания и классового сознания, с неким революционным *cogito* коллективного сознания от персонифицированной сущности. (Это то, о чем я упоминал при анализе отношений между осознанием времени и, в особенности, способностью к рациональному экономическому расчету, и политическим сознанием алжирских рабочих).

6 В этом случае производство здравого смысла заключается, в основном, в бесконечных новых интерпретациях общего "клада" священных выражений (поговорки, пословицы, гномические поэмы и т. п.), с целью "дать наиболее чистый смысл словам рода (*la tribu* — фр.)". Усвоить слова, в которых представлено все то, что признано группой, значит заручиться значительным преимуществом в борьбе за власть. Это очень хорошо видно в борьбе за религиозное влияние: слово, имеющее наибольшую ценность, — священное слово, как отмечает Гершом Шолем. Именно поэтому, чтобы заставить признать себя, нужно возобновлять по традиции мистические споры, и переплощать религиозное слово в символы. Слова из политической лексики, являясь сутью борьбы, содержат полемичку под видом *полисемии*, которая представляет собой отпечаток антагонистического использования их различными группировками в прошлом и настоящем. Наиболее универсальная стратегия для профессионалов производства символической власти, поэтов в архаических обществах, пророков, политиков заключается, таким образом, в том, чтобы заставить здравый смысл работать на себя, присваивая себе слова, ценностью нагруженные для любой группы, поскольку они выражают ее веру.

7 Это очень хорошо показал Лео Шпитцер на примере Дон Кихота, где один и тот же персонаж оказывается наделенным многими именами — феномен полиномии, т. е. множественность имен, прозвищ, кличек, которые принадлежат одному агенту или одной институции, является вместе с полисемией слов или выражений, обозначающих фундаментальные ценности группы, явным отпечатком борьбы за власть номинаций, которая осуществляется в недрах любого социального универсума. См. *Spitzer L. Perspectivism in Don Quixote // Linguistics and Literary History. New York: Russel and Russel, 1948.*

8 Кафка Ф. Процесс // Кафка Ф. Америка. Процесс. Из дневников. М.: Политиздат, 1991. С. 386.

9 Словарь профессий есть законченная форма социального нейтралитета, которая стирает внутренние различия социального простран-

ства, в единой по форме трактовке любой позиции как *профессии*, ценой непрерывного изменения основания для их определения (звание, природа деятельности и т. п.). Когда в англосаксонских странах врачей называют *профессионалами*, они выхватывают тот факт, что эти агенты определены по их профессии, и это как бы их *главный атрибут*; напротив, например, прицепщики вагонов очень слабо определены по этому основанию, их описывают просто как занимающих определенный трудовой пост, а в отношении университетских профессоров определение построено одновременно, как для прицепщиков вагонов — по задачам и по деятельности, и как для врачей — через звание.

10 Получение профессии, дающей звание, все более тесно связано с обладанием дипломом определенного типа — и здесь связь между типом диплома и вознаграждением за труд очень тесная; в отличие от того, что можно наблюдать в случае профессий, не имеющих звания, когда агенты, выполняющие ту же работу, могут иметь самые разные типы дипломов.

11 Обладатели одного и того же звания стремятся конституироваться в одну социальную группу и обладать постоянной организацией — корпорация врачей, ассоциация бывших соучеников и т. д., задуманной, чтобы утвердить сплоченность группы (с помощью периодических собраний и т. п.) и осуществлять свои материальные и символические интересы.

12 Наилучшую иллюстрацию к такому анализу можно найти, благодаря замечательным работам Роберта Дарнтона, в истории своего рода культурной революции, которую доминируемые в недрах становящегося интеллектуального поля — Бриссо, Мерсье, Демолен, Эбер, Марат и другие — совершили в лоне революционного движения (разрушение академий, распад салонов, запрет пансионов, уничтожение привилегий), находя свой принцип в статусе «культурного парии» и направляя свои усилия преимущественно против основополагающих символов власти, участвуя, средствами «политической порнографии» и нарочито непристойных пасквилей, в работе по «делегитимации», которая без сомнения является одним из фундаментальных измерений революционного радикализма. См.: *Darnton R. The High Enlightenment and the Low-Life of Literature in Pre-revolutionary France // Past and Present. Vol. 51. 1971. P. 81-115*; в переводе на фр. яз. см. в: *Bohème littéraire et révolution, Le monde des livres au XVIIIe siècle. Paris: Gallimard, Seuil, 1983, P. 7-41*; о Марате, о котором часто не знают,

что он был также, или сначала, плохим физиком, см. *Gillispie C. C. Science and Polity in France at the End of the Old Regime. Princeton University Press, 1980. P. 290-330*.

13 О сходном анализе связи по типу «представление и воля» между группой родственников «на бумаге» и «практической» группой родственников см. *Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. Genève: Droz, 1972; Le sens pratique. Paris: Minuit, 1980*.

ства, в единой по форме трактовке любой позиции как *профессии*, ценой непрерывного изменения основания для их определения (звание, природа деятельности и т. п.). Когда в англосаксонских странах врачей называют *профессионалами*, они выхватывают тот факт, что эти агенты определены по их профессии, и это как бы их *главный атрибут*; напротив, например, прицепщики вагонов очень слабо определены по этому основанию, их описывают просто как занимающих определенный трудовой пост, а в отношении университетских профессоров определение построено одновременно, как для прицепщиков вагонов — по задачам и по деятельности, и как для врачей — через звание.

10 Получение профессии, дающей звание, все более тесно связано с обладанием дипломом определенного типа — и здесь связь между типом диплома и вознаграждением за труд очень тесная; в отличие от того, что можно наблюдать в случае профессий, не имеющих звания, когда агенты, выполняющие ту же работу, могут иметь самые разные типы дипломов.

11 Обладатели одного и того же звания стремятся конституироваться в одну социальную группу и обладать постоянной организацией — корпорация врачей, ассоциация бывших соучеников и т. д., задуманной, чтобы утвердить сплоченность группы (с помощью периодических собраний и т. п.) и осуществлять свои материальные и символические интересы.

12 Наилучшую иллюстрацию к такому анализу можно найти, благодаря замечательным работам Роберта Дарнтона, в истории своего рода культурной революции, которую доминируемые в недрах становящегося интеллектуального поля — Бриссо, Мерсье, Демолен, Эбер, Марат и другие — совершили в лоне революционного движения (разрушение академий, распад салонов, запрет пансионов, уничтожение привилегий), находя свой принцип в статусе «культурного парии» и направляя свои усилия преимущественно против основополагающих символов власти, участвуя, средствами «политической порнографии» и нарочито непристойных пасквилей, в работе по «делегитимации», которая без сомнения является одним из фундаментальных измерений революционного радикализма. См.: Darnton R. *The High Enlightenment and the Low-Life of Literature in Pre-revolutionary France* // *Past and Present*. Vol. 51. 1971. P. 81-115; в переводе на фр. яз. см. в: *Bohème littéraire et révolution, Le monde des livres au XVIIIe siècle*. Paris: Gallimard, Seuil, 1983, P. 7-41; о Марате, о котором часто не знают,

что он был также, или сначала, плохим физиком, см. Gillispie C. C. *Science and Polity in France at the End of the Old Regime*. Princeton Univarsity Press, 1980. P. 290-330.

13 О сходном анализе связи по типу «представление и воля» между группой родственников «на бумаге» и «практической» группой родственников см. Bourdieu P. *Esquisse d'une théorie de la pratique*. Genève: Droz, 1972; *Le sens pratique*. Paris: Minuit, 1980.